

ТИШИНА МЕЖДУ УДАРАМИ

он записывает последний вздох
он не слышит его музыку

АЛЕКСЕЙ
ГОРСКИЙ

18+

Алексей Горский

Тишина между ударами

<https://litres.ru/74569608>

SelfPub; 2026

Аннотация

Вера Кросс слышит то, чего не слышат другие. Не голоса. Не шёпот. Последние вздохи. Последние слова. Последние удары сердца. Она — профайлер ФБР, и её дар — это проклятие. Каждый раз, когда она закрывает глаза, она слышит тех, кого не смогла спасти. Тех, кого не нашла. Тех, кто умер, пока она искала.

Теперь у неё новое дело. Убийца, который не оставляет следов. Ни отпечатков. Ни свидетелей. Ни крови. Только тела. Уложенные. Аккуратные. С вырезанными на груди музыкальными нотами. Одна жертва — одна нота. Один труп — один аккорд. Он не убивает. Он пишет симфонию.

Вера слышит его музыку. Она понимает её. Она знает, что он чувствует. И он знает, что она знает. Он ждал её. Долго. Очень долго. И теперь, когда она рядом, он не торопится. Он хочет, чтобы она услышала всё. Каждую ноту. Каждую смерть. Каждую тишину между ударами.

Это история о двух людях, которые понимают друг друга лучше, чем кого-либо. И о том, что случается, когда понимание становится приглашением.

Алексей Горский

Тишина между ударами

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. УДАР

Эпизод 1. Тишина

Вера Кросс стояла над телом и слушала. Не глазами. Не ушами. Тем, что было глубже. Тем, что она ненавидела в себе больше всего. Эмпатией. Проклятием. Даром. Она не знала, как это называть. Она знала только, что это работает. Всегда. Везде. Даже когда она не хотела. Особенно когда не хотела.

Тело лежало на сцене. Буквально. В старом театре. Заброшенном. Но не разрушенном. Зал на двести мест. Пыльные кресла. Запах старого дерева и мышиного помёта. Свет — только от аварийных лампочек. Красных. Тусклых. Сцена. Кулисы. Занавес. И тело. Прямо в центре. Как актёр. Как главная роль. Как что-то, что должно было быть живым. И перестало.

Женщина. Лет сорока. Актриса. Вера знала это из отчёта. Её звали Мария Солт. Она играла в этом театре. Когда-то. Давно. Теперь она играла мёртвую. Очень убедительно. Слишком убедительно. Как будто это была её лучшая

роль. Как будто она готовилась к ней всю жизнь.

Вера присела. Медленно. Тело было уложено аккуратно. Руки сложены на груди. Ноги вытянуты. Голова повёрнута к залу. Как будто она смотрит на зрителей. Как будто ждёт аплодисментов. Глаза открыты. Но не видят. Вера закрыла их. Ладонью. Не из уважения. Из привычки. Она всегда закрывала глаза мёртвым. Не потому, что так надо. Потому что так легче. Для неё. Не для них. Они уже не чувствуют. Она — да. Она всегда чувствует. Это её работа. Это её проклятие. Это её жизнь.

Она провела пальцами по щеке женщины. Холодная. Как камень. Как что-то, что было живым и стало вещью. Вера знала этот холод. Она чувствовала его каждый раз. Каждое утро. Каждую ночь. Каждую минуту своей жизни. Холод смерти. Он никогда не уходил. Он просто прятался. В глубине. В тишине. В том месте, где она боялась смотреть.

— Что у нас есть? — спросила она. Не оборачиваясь. Голос ровный. Как всегда. Как будто она говорила о погоде. Как будто это было обычное утро. Как будто это было обычное дело.

За спиной стоял её напарник. Джек Райли. Сорок пять. ФБР. Двенадцать лет в отделе поведенческого анализа. Уста-

лый. Как всегда. Как все. Как она. Он держал блокнот. Не потому, что нужно. Потому что привычка. Потому что если держать что-то в руках, то можно не думать о том, что лежит на сцене.

— Женщина, — сказал он. — Сорок два года. Мария Солт. Актриса. Последняя роль — «Трамвай "Желание"». Бланш. Играла в этом театре двенадцать лет назад. Потом ушла. Никто не знает почему. Вернулась месяц назад. Никто не знает зачем.

— Никто не знает, — повторила Вера. — Как всегда. Никто никогда не знает. А потом кто-то умирает. И тогда все начинают вспоминать. Все начинают знать. Все начинают говорить. Но уже поздно. Для неё. Для них. Для всех.

Она встала. Отряхнула колени. Посмотрела на сцену. На пустой зал. На пыльные кресла. На тишину. И тогда она услышала. Не ушами. Внутри. Как всегда. Голос. Не убийцы. Его. Себя. Того, кем она была, когда думала как он.

Я не убиваю. Я записываю. Я сохраняю то, что вы теряете. Последний вздох. Последнее слово. Последний удар сердца. Вы думаете, что смерть — это конец. Нет. Смерть — это звук. Самый чистый. Самый честный. Самый красивый. Я просто слушаю. А потом... создаю.

Вера вздрогнула. Она всегда вздрагивала. Когда он приходил. Не он. Это. То, что она видела. То, что она слышала. То, что она не могла выключить. Она называла это «эхо». Не убийцы. Себя. Того, что было внутри. Того, что она прятала. Того, что она боялась. Того, что она... понимала.

— Ты в порядке? — спросил Джек.

— Нет, — сказала она. — Но это неважно.

— Это всегда неважно, — сказал он. — Ты всегда так говоришь. С тех пор, как я тебя знаю. Восемь лет. Восемь лет ты говоришь «неважно». А я всё равно спрашиваю.

— Знаю, — сказала Вера. — И я всё равно отвечаю. Так мы и живём.

Она вышла из театра. На улице шёл дождь. Мелкий. Противный. Как всегда. Она закурила. Первую за день. Не потому, что хотела. Потому что нужно было что-то делать руками. Что-то, что не имеет значения. Что-то, что не связано с ним. С телом. С музыкой. С тишиной.

Джек вышел следом. Встал рядом. Молчал. Он всегда молчал. Когда она курила. Когда она думала. Когда она была

не здесь. Он знал. Он всегда знал. Он знал её лучше, чем она сама. И это было страшно. И это было хорошо. И это было всё.

— Что ты видишь? — спросил он наконец.

— Музыку, — сказала она. — Он записывает музыку. Не убивает. Записывает. Каждый звук. Каждый вздох. Каждую секунду. А потом... собирает. Как композитор. Как дирижёр. Как кто-то, кто знает, что смерть — это не конец. Это нота. Одна нота. В его симфонии.

Джек молчал. Долго. Потом сказал:

— Это самое странное, что ты говорила. За восемь лет. А я слышал много странного.

— Знаю, — сказала Вера. — Но это правда. Он не маньяк. Не психопат. Не убийца в обычном смысле. Он... коллекционер. Коллекционер звуков. Последних звуков. Тех, которые мы не слышим. Тех, которые мы не хотим слышать. Он их слышит. И он их любит. И он их... сохраняет. Как бабочек. Как марки. Как что-то, что имеет ценность. Только для него.

Она затушила сигарету. Бросила бычок в лужу. Посмотрела на Джека. Устало. Как всегда.

— Нам нужна помощь, — сказала она. — Я не могу это сделать одна. Я не могу думать как он. Я не могу слышать как он. Я не могу... быть как он. Мне нужен кто-то. Кто-то, кто понимает. Не убийцу. А его. Его музыку. Его тишину. Его silence. Его тишину между ударами.

Джек кивнул. Он знал, о ком она. Все знали. Доктор Адриан Вейл. Лучший нейропсихиатр на Восточном побережье. Консультант ФБР. Специалист по серийным убийцам. Человек, который никогда не ошибается. Человек, который никогда не улыбается. Человек, которого все уважают. И никто не любит.

— Он не любит консультации, — сказал Джек.

— Знаю, — сказала Вера. — Но он — единственный, кто может понять то, что я слышу. Он — единственный, кто не будет смеяться. Он — единственный, кто не будет бояться. Он — единственный, кто... как я.

Она села в машину. Джек за рулём. Дорога. Дождь. Тишина. Вера смотрела в окно. На город. На людей. На жизнь, которая продолжалась. Несмотря ни на что. Несмотря на смерть. Несмотря на музыку. Несмотря на тишину.

Она думала о нём. Не о докторе. О нём. О том, кто записывает. О том, кто слушает. О том, кто создаёт. Она думала о его руках. О его глазах. О его тишине. Она думала о том, что он, может быть, уже знает о ней. Может быть, уже слушает её. Может быть, уже записывает. Её. Её последний вздох. Её последнее слово. Её последний удар сердца.

Она закрыла глаза. И услышала. Не его. Себя. Свой собственный голос. Внутри. Тот, который иногда говорил с ней. Тот, который знал больше, чем она хотела.

Ты уже слышишь меня. Значит, я уже здесь. Значит, я уже начал. Значит, ты — следующая. Не бойся. Я не сделаю больно. Я просто послушаю. А потом... сохраню.

Вера открыла глаза. Сердце билось. Быстро. Как у птицы. Как у той, что она видела в детстве. Как у той, что она не смогла спасти. Как у той, что она до сих пор слышала. Во сне. Наяву. Всегда. Каждую ночь. Каждое утро. Каждую минуту. Она слышала её. Ту птицу. Ту, что умирала у неё на руках. Ту, что смотрела на неё. Ту, что просила. Не словами. Глазами. И она не смогла. Не смогла помочь. Не смогла спасти. Не смогла ничего. И с тех пор. С тех пор она слышала. Всё. Всех. Каждого. Кто умирал. Кто страдал. Кто боялся. Она слышала. И не могла выключить. Никогда. До самого конца. До самого своего конца.

— Ты в порядке? — спросил Джек. Снова.

— Нет, — сказала она. Снова. — Но это неважно.

Они ехали молча. Долго. Дождь стучал по стеклу. Дворники двигались. Туда-сюда. Туда-сюда. Как маятник. Как сердце. Как время. Которое шло. Которое всегда шло. Которое никогда не останавливалось. Даже когда хотелось. Даже когда нужно было. Даже когда было больно.

— Джек, — сказала Вера.

— Что?

— Ты когда-нибудь думал о том, что мы делаем?

— Что ты имеешь в виду?

— Мы ловим убийц. Мы спасаем людей. Мы делаем мир лучше. Но... мы не спасаем мёртвых. Мы не возвращаем их. Мы просто... находим тех, кто убил. И наказываем. И всё. И это... всё? Это то, для чего мы здесь? Это то, для чего мы живём?

Джек молчал. Долго. Потом сказал:

— Я не знаю. Я никогда не думал об этом.

— А я думаю, — сказала Вера. — Всё время. Каждую минуту. Каждую секунду. Я думаю о мёртвых. О тех, кого мы не спасли. О тех, кого мы не найдём. О тех, кто умрёт завтра. Пока мы едем. Пока мы говорим. Пока мы думаем. Они умирают. И мы не можем ничего. Мы можем только... искать. Находить. Наказывать. Но это не возвращает их. Никого. Никогда.

— Ты устала, — сказал Джек.

— Знаю, — сказала Вера. — Я устала. Устала от смерти. Устала от жизни. Устала от всего. Но я не могу остановиться. Потому что если я остановлюсь, то кто-то умрёт. Кто-то, кого я могла бы спасти. Кто-то, кого я могла бы найти. Кто-то, кого я могла бы... понять. И это хуже смерти. Это хуже всего. Это — моя жизнь.

Джек ничего не сказал. Он просто вёл. Просто ехал. Просто был. Рядом. Всегда. Как всегда. Как она. Как все. Как никто.

Они приехали в офис. Вера вышла. Пошла к себе. Села за стол. Открыла папку. Четвёртая жертва. Мария Солт. Ак-

триса. Театр. Сцена. Тишина. Она смотрела на фотографии. На тело. На сцену. На пустой зал. И тогда она увидела. Не глазами. Тем, что было глубже. Она увидела его. Мужчину. Высокого. Худого. В тёмном пальто. С магнитофоном. Он стоял в кулисах. Смотрел на Марию. На её последний вздох. На её последнее слово. На её последний удар сердца. Он записывал. Медленно. Аккуратно. Как будто это было самое важное, что он делал. Как будто это было искусство. Как будто это было... любовь.

Вера закрыла папку. Встала. Подошла к окну. Посмотрела на город. На людей. На жизнь. И поняла. Он не убивает. Он коллекционирует. Он не маньяк. Он художник. Он не психопат. Он композитор. Он не преступник. Он... творец. И его творение — смерть. Его симфония — тишина. Его шедевр — последний звук. Тот, который мы не слышим. Тот, который мы не хотим слышать. Тот, который он слышит. И любит. И сохраняет.

Она села обратно. Открыла ноутбук. Начала писать. Не отчёт. Не рапорт. Письмо. Ему. Тому, кто записывает. Тому, кто слушает. Тому, кто создаёт. Она писала. Долго. Не останавливаясь. Как будто от этого зависела её жизнь. Как будто от этого зависело всё.

*Я слышу тебя. Я знаю, что ты там. Я знаю, что ты ждёшь.

Я знаю, что ты хочешь, чтобы я поняла. Я понимаю. Я уже понимаю. Но я не приму. Я не стану как ты. Я не буду записывать. Я буду останавливать. Я буду искать. Я буду находить. Я буду... собой. Не тобой. Никогда тобой.*

Она закончила. Посмотрела на написанное. Долго. Потом удалила. Всё. До последнего слова. Потому что поняла. Он не должен знать. Он не должен видеть. Он не должен слышать. Она не даст ему этого. Она не даст ему ничего. Она найдёт его. Она остановит его. Она... победит. Или умрёт. Но не станет им. Никогда. Ни за что. Ни при каких обстоятельствах. Даже если будет больно. Даже если будет страшно. Даже если будет... всё. Она не станет. Она — Вера Кросс. Она — профайлер. Она — человек. Она — та, кто слышит. Но не та, кто слушает. Разница есть. И она держалась за неё. Как за стену. Как за камень. Как за что-то, что не двигается. Хотя всё вокруг двигалось. Всё вокруг жило. Всё вокруг умирало. И только она стояла. На месте. И ждала. И слушала. И надеялась. Что однажды. Когда-нибудь. Всё это кончится. Или начнётся. Или... станет чем-то другим. Чем-то, чего ещё не было. Чем-то, что будет.

Эпизод 2. Консультант

Доктор Адриан Вейл жил в старом доме на берегу. Не на пляже. На скалах. Там, где ветер. Там, где шум. Там, где никто не ходит. Дом был большой. Каменный. Холодный. Как

его хозяин. Как его жизнь. Как всё, что он делал.

Вера приехала одна. Джек остался в машине. Сказал, что подождёт. Сказал, что не хочет. Вера поняла. Она всегда понимала. Она понимала всех. Это было её проклятие. Это было её дар. Это было всё, что у неё было.

Она подошла к двери. Позвонила. Долго ждала. Ветер бил в лицо. Солёный. Холодный. Как слёзы. Как море. Как что-то, что было живым и стало воспоминанием. Потом дверь открылась. Сама. Без скрипа. Без звука. Как будто ждала. Как будто знала. Как будто всегда знала.

Он стоял в проёме. Высокий. Худой. Седые волосы. Тёмные глаза. Ни улыбки. Ни приветствия. Просто стоял. Смотрел. Ждал. Как будто она была не первой. Как будто она была не последней. Как будто она была просто ещё одной. Ещё одним человеком. Ещё одной смертью. Ещё одной тишиной.

— Доктор Вейл, — сказала Вера. — Я Вера Кросс. ФБР. Отдел поведенческого анализа. Мне нужна ваша помощь.

— Знаю, — сказал он. Голос ровный. Тихий. Как будто он никогда не повышал его. Как будто он никогда не кричал. Как будто он никогда не чувствовал. — Входите.

Она вошла. В доме пахло книгами и чем-то ещё. Чем-то, что она не могла назвать. Чем-то, что было похоже на... тишину. Но не пустую. А полную. Как будто тишина была чем-то живым. Чем-то, что дышало. Чем-то, что смотрело. Чем-то, что ждало.

Он провёл её в кабинет. Стены в книгах. Полки до потолка. Кресла. Стол. Ни компьютера. Ни телефона. Только книги. Только бумага. Только перо. Только чернила. Как в прошлом веке. Как в другом мире. Как в другом времени. Как в другом измерении.

— Вы знаете, зачем я здесь, — сказала Вера. Не спросила. Сказала. Потому что знала. Он всегда знал. Все всегда знали. Это было его проклятие. Это было его дар. Это было всё, что у него было.

— Знаю, — сказал он. Сел в кресло. Указал на другое. Она села. Он смотрел на неё. Долго. Как будто читал. Как будто изучал. Как будто... слушал. — Вы — профайлер. Эмпат. Вы чувствуете то, что чувствуют другие. Вы видите то, что они скрывают. Вы слышите то, что они не говорят. Это редкость. И это проклятие.

— Вы знаете? — спросила она. Хотя знала ответ. Она всегда знала ответ. Она всегда знала всё. Это было её прокля-

тие. Это было её дар.

— Я знаю всё, что нужно знать, — сказал он. — О вас. О вашем отделе. О ваших делах. О вашем убийце. О его музыке.

Вера замерла. Музыке. Он сказал это слово. То же слово. То же самое. Она не говорила ему. Никто не говорил. Но он знал. Он всегда знал. Как будто он был там. Как будто он слышал. Как будто он... слушал. Всё. Всегда. Везде.

— Как вы...

— Я не читаю мысли, — сказал он. — Я читаю людей. Вы — открытая книга. Вы устали. Вы одиноки. Вы боитесь. Не его. Себя. Того, что вы можете его понять. Того, что вы уже его понимаете. Того, что вы — как он. Только он убивает. А вы... вы смотрите. И не можете остановиться. И не хотите.

Она молчала. Долго. Потом сказала:

— Вы поможете?

— Помогу, — сказал он. — Не потому, что хочу. Потому что интересно. Я давно не видел ничего интересного. А это... интересно. Очень.

Он встал. Подошёл к столу. Взял лист бумаги. Перо. Начал писать. Что-то. Не для неё. Для себя. Как будто её здесь не было. Как будто её никогда не было. Как будто она была просто тенью. Просто звуком. Просто тишиной.

— Что вы пишете? — спросила она. Хотя знала. Она всегда знала. Она всегда спрашивала. Она всегда хотела услышать. Подтверждение. Правду. Что-то, что она уже знала. Что-то, что она боялась знать.

— Слушаю, — сказал он. — Ваш убийца. Он не просто записывает. Он создаёт. Он — композитор. Но не музыки. Тишины. Тишины между ударами. Он ищет идеальный звук. Идеальный вздох. Идеальную смерть. Он — художник. А искусство требует жертв.

Он поднял голову. Посмотрел на неё. Долго. Как будто в первый раз. Как будто в последний. Как будто никогда. Как будто всегда.

— Вы найдёте его, — сказал он. — Потому что вы — единственная, кто слышит то же, что и он. Вы — его отражение. Его эхо. Его... продолжение. И когда вы найдёте его... он найдёт вас. И тогда... будет либо конец. Либо начало. Либо... что-то другое. Что-то, чего ещё не было. Что-то, что будет.

Вера встала. Она не хотела больше слушать. Она не хотела больше знать. Она хотела уйти. Но что-то держало. Что-то, что было сильнее её. Что-то, что было внутри. Что-то, что говорило: «Останься. Узнай. Пойми. Прими».

— Я пойду, — сказала она.

— Идите, — сказал он. — Но вы вернётесь. Все возвращаются. Все, кто слышит. Все, кто знает. Все, кто... как вы.

Она вышла. Не обернулась. Села в машину. Джек посмотрел на неё. Ничего не сказал. Завёл мотор. Они поехали. Дождь. Дорога. Тишина. Вера смотрела в окно. Но не видела. Она слышала. Не дождь. Не машину. Не город. Себя. Свой голос. Внутри. Тот, который знал.

Он знает. Он всегда знал. Он ждал. Он всегда ждал. Тебя. Только тебя. Потому что ты — единственная. Единственная, кто может. Единственная, кто слышит. Единственная, кто... понимает.

Вера закрыла глаза. И впервые за долгое время... улыбнулась. Не потому, что было смешно. Потому что было страшно. И это было честно. И это было... начало.

Эпизод 3. Запись

Вера проснулась от звука. Не от шума. Не от звонка. От чего-то другого. От тишины. Слишком плотной. Слишком ровной. Как будто кто-то выключил мир. Она лежала в темноте и слушала. Сердце. Дыхание. Часы на стене. Тик. Тик. Тик. Но между ударами было что-то ещё. Что-то, чего не должно быть. Шёпот. Не слова. Просто дыхание. Чужое. Рядом. Внутри.

Она села. Включила лампу. Комната. Пустая. Как всегда. Никого. Только она. И тишина. Но тишина не уходила. Она осталась. Как гость. Как тень. Как что-то, что вошло и не собиралось выходить.

Вера встала. Подошла к столу. Открыла ноутбук. Почта. Два письма. Одно от Джека. Одно от неизвестного. Без темы. Без подписи. Она открыла второе. Там была ссылка. Одна. Без текста. Она нажала. Ссылка вела на аудиофайл. Она включила. Динамики зашипели. Потом — звук. Дыхание. Мужское. Тяжёлое. Прерывистое. Потом — голос. Тихий. Спокойный. Как у доктора Вейла. Но не его.

— Ты слышишь меня, Вера? Я знаю, что слышишь. Ты всегда слышишь. Это твой дар. Твой крест. Ты не можешь не слышать. Даже сейчас. Даже когда спишь. Даже когда не

хочешь. Я записал это для тебя. Специально. Чтобы ты знала. Я уже начал. Я уже здесь. Я уже слушаю. Ты — следующая. Но не бойся. Я не сделаю больно. Я просто послушаю. А потом... сохраню.

Файл закончился. Тишина. Вера сидела. Не двигалась. Сердце билось. Быстро. Как у птицы. Как у той, что она видела в детстве. Как у той, что она не смогла спасти. Она закрыла ноутбук. Медленно. Как будто он был виноват. Как будто он был тем, кто это сделал. Она встала. Пошла на кухню. Налила воды. Выпила. Посмотрела в окно. Ночь. Город. Огни. Люди. Они не знали. Они спали. Они жили. А она — нет.

Она позвонила Джеку. Три часа ночи. Он ответил сразу. Как будто ждал. Как будто знал. Как будто всегда знал.

— Ты не спишь, — сказал он.

— Он прислал мне файл, — сказала Вера. — Голос. Его голос. Он говорил со мной. Он знает моё имя. Он знает, кто я. Он знает, что я слышу.

Джек молчал. Долго. Потом сказал:

— Я выезжаю. Ничего не делай. Не слушай больше. Не

отвечай. Просто жди.

— Я не могу ждать, — сказала она. — Я никогда не могла ждать. Ты знаешь это. Ты всегда знал.

— Знаю. Но надо.

Она повесила трубку. Села на пол. Прислонилась к стене. Закрыла глаза. И снова слышала. Не файл. Не голос. Себя. Свой голос. Внутри. Тот, который знал.

Ты уже слышишь меня. Значит, я уже здесь. Значит, я уже начал. Значит, ты — следующая. Не бойся. Я не сделаю больно. Я просто послушаю. А потом... сохранию.

Она открыла глаза. В комнате было темно. Но она видела. Не глазами. Тем, что было глубже. Она видела его. Мужчину. Высокого. Худого. В тёмном пальто. С магнитофоном. Он стоял в углу. Смотрел на неё. Улыбался. Не своей улыбкой. Чужой. Древней. Холодной. Как у доктора Вейла. Но не его. Она моргнула. Он исчез. Тишина. Только часы. Тик. Тик. Тик.

Джек приехал через двадцать минут. Он вошёл. Не постучал. У него был ключ. Он всегда имел ключ. Вера сидела на полу. Не двигалась. Он подошёл. Сел рядом. Молчал. Долго.

Потом сказал:

— Ты в порядке?

— Нет, — сказала она. — Но это неважно.

— Важно, — сказал он. — Ты — важна.

Она посмотрела на него. Впервые за долгое время. Он был уставший. Как всегда. Но в глазах было что-то. Что-то, что она не видела раньше. Что-то, что было похоже на страх. Не за себя. За неё.

— Он не остановится, — сказала Вера. — Он будет присылать файлы. Он будет говорить со мной. Он будет ждать. Он хочет, чтобы я поняла. Чтобы я приняла. Чтобы я... стала как он.

— Ты не станешь, — сказал Джек.

— Ты не знаешь, — сказала она. — Никто не знает. Даже я. Особенно я.

Он взял её за руку. Не сильно. Не слабо. Просто. Как будто это самое естественное, что он делал за двенадцать лет. Она не убрала руку. Она не могла. Она не хотела. Она просто

сидела. И слушала. Не его. Себя. Свой голос. Внутри. Тот, который знал.

Ты уже слышишь меня. Значит, я уже здесь. Значит, я уже начал. Значит, ты — следующая. Не бойся. Я не сделаю больно. Я просто послушаю. А потом... сохраню.

Эпизод 4. Симфония

Утром они поехали в лабораторию. Аудиофайл. Эксперты. Спектрограмма. Частоты. Всё, что можно измерить. Всё, что можно понять. Ничего. Файл был чистый. Ни фона. Ни шума. Ни следа. Как будто голос пришёл из ниоткуда. Как будто он был не записан. А создан. Из тишины. Из ничего. Из того, что было до звука.

Вера стояла у стекла. Смотрела на экспертов. Они работали. Быстро. Тихо. Как всегда. Она не слушала. Она слышала. Не их. Его. Того, кто создал файл. Того, кто знал её имя. Того, кто ждал.

Джек подошёл. Встал рядом. Молчал. Долго. Потом сказал:

— Мы проверили все записи. Все дела. Всех жертв. Он всегда записывал. Каждый раз. Последний вздох. Последнее слово. Последний удар сердца. Но он никогда не отправлял

их. Никому. Ни разу. Ты — первая.

— Почему? — спросила Вера.

— Не знаю, — сказал Джек. — Может, потому что ты — другая. Может, потому что ты — такая же. Может, потому что он искал тебя. Долго. И нашёл.

— Нашёл, — повторила Вера. — Он нашёл. А я... я ещё нет. Но я найду. Я всегда нахожу. Это моя работа. Это моя жизнь. Это... всё, что у меня есть.

Джек посмотрел на неё. Долго. Потом сказал:

— У тебя есть я.

Она посмотрела на него. Устало. Как всегда. Но что-то дрогнуло. Внутри. Что-то, что было похоже на тепло. На жизнь. На что-то, что она давно не чувствовала.

— Знаю, — сказала она. — Но этого мало. Для него. Для меня. Для того, что будет.

Она отвернулась. Пошла к выходу. Джек за ней. Они сели в машину. Поехали. Дождь. Дорога. Тишина. Вера смотрела в окно. На город. На людей. На жизнь, которая продолжа-

лась. Несмотря ни на что. Несмотря на смерть. Несмотря на музыку. Несмотря на тишину.

Она думала о нём. Не о докторе. О нём. О том, кто записывает. О том, кто слушает. О том, кто создаёт. Она думала о его руках. О его глазах. О его тишине. Она думала о том, что он, может быть, уже знает о ней. Может быть, уже слушает её. Может быть, уже записывает. Её. Её последний вздох. Её последнее слово. Её последний удар сердца.

Она закрыла глаза. И слышала. Не его. Себя. Свой собственный голос. Внутри. Тот, который иногда говорил с ней. Тот, который знал больше, чем она хотела.

Ты уже слышишь меня. Значит, я уже здесь. Значит, я уже начал. Значит, ты — следующая. Не бойся. Я не сделаю больно. Я просто послушаю. А потом... сохраню.

Вера открыла глаза. Сердце билось. Быстро. Как у птицы. Как у той, что она видела в детстве. Как у той, что она не смогла спасти. Как у той, что она до сих пор слышала. Во сне. Наяву. Всегда.

— Ты в порядке? — спросил Джек. Снова.

— Нет, — сказала она. Снова. — Но это неважно.

Они приехали в офис. Вера села за стол. Открыла папку. Четвёртая жертва. Мария Солт. Актриса. Театр. Сцена. Тишина. Она смотрела на фотографии. На тело. На сцену. На пустой зал. И тогда она увидела. Не глазами. Тем, что было глубже. Она увидела его. Мужчину. Высокого. Худого. В тёмном пальто. С магнитофоном. Он стоял в кулисах. Смотрел на Марию. На её последний вздох. На её последнее слово. На её последний удар сердца. Он записывал. Медленно. Аккуратно. Как будто это было самое важное, что он делал. Как будто это было искусство.

Вера закрыла папку. Встала. Подошла к окну. Посмотрела на город. На людей. На жизнь. И поняла. Он не убивает. Он коллекционирует. Он не маньяк. Он художник. Он не психопат. Он композитор. Он не преступник. Он... творец. И его творение — смерть. Его симфония — тишина. Его шедевр — последний звук. Тот, который мы не слышим. Тот, который мы не хотим слышать. Тот, который он слышит. И любит. И сохраняет.

Она села обратно. Открыла ноутбук. Начала писать. Не отчёт. Не рапорт. Письмо. Ему. Тому, кто записывает. Тому, кто слушает. Тому, кто создаёт. Она писала. Долго. Не останавливаясь. Как будто от этого зависела её жизнь. Как будто от этого зависело всё.

Я слышу тебя. Я знаю, что ты там. Я знаю, что ты ждёшь. Я знаю, что ты хочешь, чтобы я поняла. Я понимаю. Я уже понимаю. Но я не приму. Я не стану как ты. Я не буду записывать. Я буду останавливать. Я буду искать. Я буду находить. Я буду... собой. Не тобой. Никогда тобой.

Она закончила. Посмотрела на написанное. Долго. Потом удалила. Всё. До последнего слова. Потому что поняла. Он не должен знать. Он не должен видеть. Он не должен слышать. Она не даст ему этого. Она не даст ему ничего. Она найдёт его. Она остановит его. Она... победит. Или умрёт. Но не станет им. Никогда.

Эпизод 5. Тишина между ударами

Прошла неделя. Ничего. Никаких новых тел. Никаких файлов. Никаких писем. Тишина. Слишком тишина. Слишком спокойно. Вера не спала. Она никогда не спала. Она просто лежала. С закрытыми глазами. И слушала. Тишину. Которая была громче любого звука.

Джек приносил кофе. Каждое утро. Не потому, что она просила. Потому что он знал. Он всегда знал. Что ей нужно. Что ей не нужно. Что она хочет. Что она боится.

— Ты не ешь, — сказал он однажды.

— Не хочу, — сказала Вера.

— Ты не спишь.

— Не могу.

— Ты не живёшь.

— Не умею.

Он сел напротив. Поставил кофе. Посмотрел на неё. Долго. Как будто в первый раз. Как будто в последний.

— Ты думаешь, он вернётся? — спросил он.

— Знаю, — сказала она. — Он всегда возвращается. Он не может иначе. Он ждал слишком долго. Он искал слишком долго. Он не остановится. Пока не получит то, что хочет.

— Что он хочет?

— Меня.

Джек молчал. Долго. Потом сказал:

— Почему ты?

— Потому что я слышу. Потому что я понимаю. Потому что я... как он. Только он убивает. А я смотрю. И не могу остановиться. И не хочу. Он это знает. Он это чувствует. Он это... слышит. Как я слышу его.

Она взяла кофе. Отпила. Холодный. Как всегда. Она никогда не пила горячий. Не успевала. Не хотела. Не могла. Как всё в её жизни. Как всё в её смерти. Как всё в её тишине.

— Вера, — сказал Джек.

— Что?

— Я не хочу, чтобы ты стала как он.

— Я не стану.

— Ты говоришь это. Но ты не знаешь. Никто не знает. Даже ты. Особенно ты.

Она посмотрела на него. Долго. Потом улыбнулась. Не своей улыбкой. Чужой. Древней. Холодной. Как у доктора Вейла. Но не его. Как у него. Как у того, кто записывает. Как

у того, кто слушает. Как у того, кто создаёт.

— Знаю, — сказала она. — Но я всё равно буду. Потому что если я не буду, то кто? Ты? Доктор? Кто-то другой? Никто. Никто не будет. Никто не сможет. Никто не захочет. Только я. Потому что я — единственная. Единственная, кто слышит. Единственная, кто понимает. Единственная, кто... как он.

Она встала. Пошла к выходу. Джек за ней. Они сели в машину. Поехали. Дождь. Дорога. Тишина. Вера смотрела в окно. Но не видела. Она слышала. Не дождь. Не машину. Не город. Себя. Свой голос. Внутри. Тот, который знал.

Ты уже слышишь меня. Значит, я уже здесь. Значит, я уже начал. Значит, ты — следующая. Не бойся. Я не сделаю больно. Я просто послушаю. А потом... сохраню.

Они приехали в театр. Тот самый. Где умерла Мария. Вера вышла. Пошла внутрь. Джек за ней. Они вошли в зал. Пустой. Тёмный. Тихий. Вера подошла к сцене. Встала в центр. Там, где лежала Мария. Она закрыла глаза. И услышала. Не его. Её. Марию. Последний вздох. Последнее слово. Последний удар сердца. Она услышала всё. Всё, что он записал. Всё, что он сохранил. Всё, что он создал.

Я не боюсь. Я не боюсь. Я не боюсь. Я не боюсь.

Это было последнее, что сказала Мария. Не ему. Себе. Миру. Тишине. Она не боялась. Она не хотела бояться. Она хотела умереть. Без страха. Без боли. Без всего. И он дал ей это. Он дал ей тишину. Он дал ей покой. Он дал ей... конец.

Вера открыла глаза. Посмотрела на пустой зал. На пыльные кресла. На тишину. И поняла. Он не убийца. Он — милосердие. Он — то, что мы не хотим видеть. Он — то, что мы не хотим слышать. Он — то, что мы не хотим знать. Он — смерть. Но не та, что убивает. Та, что освобождает. Та, что забирает боль. Та, что даёт покой. Та, что... сохраняет.

Она села на край сцены. Опустила голову. Закрыла лицо руками. И заплакала. Впервые за долгое время. Не от горя. Не от страха. От чего-то другого. От того, что она поняла. Что она — как он. Что она — тоже. Что она — та, кто слышит. Та, кто понимает. Та, кто... сохраняет. Только она не может. Не умеет. Не хочет. Она — не он. Она — Вера Кросс. Она — профайлер. Она — человек. Она — та, кто слышит. Но не та, кто слушает. Разница есть. И она держалась за неё. Как за стену. Как за камень. Как за что-то, что не двигается. Хотя всё вокруг двигалось. Всё вокруг жило. Всё вокруг умирало. И только она сидела. На краю сцены. В пустом театре. В темноте. Одна. И ждала. И слушала. И надеялась.

Что однажды. Когда-нибудь. Всё это кончится. Или начнётся. Или... станет чем-то другим. Чем-то, чего ещё не было. Чем-то, что будет.

Джек подошёл. Сел рядом. Молчал. Долго. Потом сказал.

— Ты в порядке?

— Нет, — сказала она. — Но это неважно.

— Важно, — сказал он. — Ты — важна.

Она посмотрела на него. Устало. Как всегда. Но что-то дрогнуло. Внутри. Что-то, что было похоже на тепло. На жизнь. На что-то, что она давно не чувствовала.

— Знаю, — сказала она. — Но этого мало. Для него. Для меня. Для того, что будет.

Он взял её за руку. Не сильно. Не слабо. Просто. Как будто это самое естественное, что он делал за двенадцать лет. Она не убрала руку. Она не могла. Она не хотела. Она просто сидела. И слушала. Не его. Себя. Свой голос. Внутри. Тот, который знал.

*Ты уже слышишь меня. Значит, я уже здесь. Значит, я

уже начал. Значит, ты — следующая. Не бойся. Я не сделаю больно. Я просто послушаю. А потом... сохраню.*

И тогда она поняла. Это не конец. Это не начало. Это — середина. Середина симфонии. Середина тишины. Середина между ударами. И в этой середине — он. И в этой середине — она. И в этой середине — всё. И ничего. И то, что будет. И то, что есть. И то, что было. Всё. Сразу. Навсегда.

Эпизод 6. Голод

Вера не ела четыре дня. Не потому, что не хотела. Потому что не могла. Каждый раз, когда она брала что-то в руки, видела его лицо. Не убийцы. Его. Доктора Вейла. Того, кто сказал, что она — как он. Того, кто сказал, что она слышит то же, что и убийца. Того, кто сказал, что она — его отражение. Она смотрела на еду и думала: «Это не для меня. Это для живых. А я — не живая. Я — та, кто слышит. Та, кто понимает. Та, кто... уже почти как он».

Джек приходил каждый день. Приносил еду. Оставлял на столе. Уходил. Не говорил. Не спрашивал. Он знал. Он всегда знал. Он знал, что она не ест. Он знал, что она не спит. Он знал, что она не живёт. Он знал, что она — где-то там. Внутри. В тишине. В музыке. В нём.

На пятый день он не ушёл. Он сел напротив. Поставил еду.

Посмотрел на неё. Долго. Как будто в первый раз. Как будто в последний.

— Ты должна поесть, — сказал он.

— Не хочу, — сказала Вера.

— Ты должна поспать.

— Не могу.

— Ты должна жить.

— Не умею.

Он взял её за руку. Не сильно. Не слабо. Просто. Как будто это самое естественное, что он делал за двенадцать лет. Она не убрала руку. Она не могла. Она не хотела. Она просто сидела. И слушала. Не его. Себя. Свой голос. Внутри. Тот, который знал.

Ты уже слышишь меня. Значит, я уже здесь. Значит, я уже начал. Значит, ты — следующая. Не бойся. Я не сделаю больно. Я просто послушаю. А потом... сохраню.

— Вера, — сказал Джек. — Посмотри на меня.

Она посмотрела. Устало. Как всегда. Но что-то дрогнуло. Внутри. Что-то, что было похоже на тепло. На жизнь. На что-то, что она давно не чувствовала.

— Я здесь, — сказал он. — Я всегда здесь. Я не уйду. Я не оставлю. Я не брошу. Ты слышишь меня? Ты не одна. Ты никогда не была одна. Ты просто забыла. Ты забыла, что есть кто-то, кто видит тебя. Не его. Не убийцу. Не тишину. Тебя. Веру. Ту, которая слышит. Ту, которая понимает. Ту, которая... живая. Ты — живая, Вера. Ты — не он. Ты — не смерть. Ты — не тишина. Ты — жизнь. Ты — свет. Ты — то, что он никогда не сможет. Потому что он — тьма. А ты — нет. Ты — не тьма. Ты — Вера. Ты — вера. Ты — то, во что я верю. Каждый день. Каждую минуту. Каждую секунду.

Она смотрела на него. Долго. Как будто в первый раз. Как будто в последний. Потом заплакала. Не от горя. Не от страха. От чего-то другого. От того, что она поняла. Что она не одна. Что она никогда не была одна. Что есть кто-то. Кто-то, кто видит её. Не убийцу. Не тишину. Её. Просто её. Веру. Ту, которая слышит. Ту, которая понимает. Ту, которая... живая.

— Джек, — сказала она. — Я боюсь.

— Знаю, — сказал он.

— Я боюсь не его. Я боюсь себя. Того, что я могу. Того, что я уже могу. Того, что я... понимаю его. Того, что я... слышу его. Того, что я... как он.

— Ты не как он.

— Я как он. Я слышу то же, что и он. Я вижу то же, что и он. Я понимаю то же, что и он. Я... чувствую то же, что и он. Только он убивает. А я смотрю. И не могу остановиться. И не хочу.

Джек молчал. Долго. Потом сказал:

— Тогда остановись.

— Не могу.

— Можешь. Ты — можешь. Ты — сильнее, чем думаешь. Ты — сильнее, чем он. Ты — сильнее, чем всё это. Ты — Вера Кросс. Ты — профайлер. Ты — человек. Ты — та, кто слышит. Но не та, кто слушает. Разница есть. И ты держишься за неё. Как за стену. Как за камень. Как за что-то, что не двигается. Хотя всё вокруг двигается. Всё вокруг живёт. Всё вокруг умирает. И только ты стоишь. На месте. И ждёшь. И слушаешь. И надеешься. Что однажды. Когда-нибудь. Всё

это кончится. Или начнётся. Или... станет чем-то другим. Чем-то, чего ещё не было. Чем-то, что будет.

Она посмотрела на него. Долго. Как будто в первый раз. Как будто в последний. Потом улыбнулась. Не своей улыбкой. Чужой. Древней. Холодной. Как у доктора Вейла. Но не его. Как у него. Как у того, кто записывает. Как у того, кто слушает. Как у того, кто создаёт.

— Знаю, — сказала она. — Но я всё равно буду. Потому что если я не буду, то кто? Ты? Доктор? Кто-то другой? Никто. Никто не будет. Никто не сможет. Никто не захочет. Только я. Потому что я — единственная. Единственная, кто слышит. Единственная, кто понимает. Единственная, кто... как он.

Эпизод 7. Слушатель

Ночью она не спала. Не могла. Не хотела. Она сидела у окна. Смотрела на город. На огни. На жизнь, которая продолжалась. Несмотря ни на что. Несмотря на смерть. Несмотря на музыку. Несмотря на тишину.

И тогда она услышала. Не внутри. Снаружи. Звук. Тихий. Ровный. Как будто кто-то дышал. Рядом. За дверью. Она встала. Подошла. Открыла. Никого. Только темнота. Только

тишина. Только что-то, что было там. И ушло. Или не ушло. Или ждало. Или смотрело. Или слушало.

Она вышла на улицу. Не взяла куртку. Не взяла телефон. Не взяла ничего. Просто вышла. Просто пошла. Куда? Не знала. Просто шла. Ноги сами вели. Через город. Через улицы. Через переулки. Через места, которые она не знала. Но которые знали её.

Она остановилась перед старым зданием. Заброшенным. Тёмным. Тихим. Она не знала, что это. Не знала, почему здесь. Не знала, зачем. Но она знала, что должна войти. Она открыла дверь. Не заперта. Никогда не была заперта. Для неё. Только для неё.

Внутри было темно. Пахло пылью и чем-то ещё. Чем-то, что она не могла назвать. Чем-то, что было похоже на... тишину. Но не пустую. А полную. Как будто тишина была чем-то живым. Чем-то, что дышало. Чем-то, что смотрело. Чем-то, что ждало.

Она шла по коридору. Медленно. Осторожно. Она не боялась. Она никогда не боялась. Она просто шла. И слушала. Тишину. Которая была громче любого звука.

В конце коридора была комната. Дверь открыта. Свет.

Тусклый. Красный. Как в театре. Как в лаборатории. Как в её голове. Она вошла. Комната была пуста. Только стол. Только стул. Только магнитофон. Старый. Катушечный. Он стоял на столе. И играл. Тихо. Медленно. Что-то. Что-то, что она знала. Что-то, что она слышала. Что-то, что было внутри неё. Всегда.

Она подошла. Села на стул. Посмотрела на магнитофон. Она знала, что делать. Она всегда знала. Она нажала кнопку. Запись. Не воспроизведение. Запись. Она говорила. В микрофон. Не для него. Для себя. Для мира. Для тишины.

— Я слышу тебя. Я знаю, что ты там. Я знаю, что ты ждёшь. Я знаю, что ты хочешь, чтобы я поняла. Я понимаю. Я уже понимаю. Но я не приму. Я не стану как ты. Я не буду записывать. Я буду останавливать. Я буду искать. Я буду находить. Я буду... собой. Не тобой. Никогда тобой.

Она замолчала. Посмотрела на магнитофон. Долго. Потом нажала стоп. Потом перемотала. Потом нажала воспроизведение. Свой голос. Свои слова. Своя тишина. Она слушала. Долго. Как будто в первый раз. Как будто в последний. Потом улыбнулась. Не своей улыбкой. Чужой. Древней. Холодной. Как у доктора Вейла. Но не его. Как у него. Как у того, кто записывает. Как у того, кто слушает. Как у того, кто создаёт.

Она встала. Пошла к выходу. Не обернулась. Она никогда не оборачивалась. Она вышла на улицу. Ночь. Город. Огни. Люди. Они не знали. Они спали. Они жили. А она — нет. Она — слышала. Она — понимала. Она — была. Как он. Как тишина. Как всё.

Она вернулась домой. Джек спал на диване. Он не ушёл. Он никогда не уходил. Она села рядом. Посмотрела на него. Долго. Как будто в первый раз. Как будто в последний. Потом закрыла глаза. И уснула. Впервые за долгое время. Крепко. Без снов. Без тишины. Без него. Просто сон. Просто покой. Просто... жизнь.

Утром она проснулась. Джек сидел напротив. Смотрел на неё. Улыбался. Не своей улыбкой. Его. Просто его. Просто Джек.

— Ты спала, — сказал он.

— Знаю, — сказала Вера.

— Ты в порядке?

— Нет. Но это неважно.

— Важно, — сказал он. — Ты — важна.

Она посмотрела на него. Устало. Как всегда. Но что-то дрогнуло. Внутри. Что-то, что было похоже на тепло. На жизнь. На что-то, что она давно не чувствовала.

— Знаю, — сказала она. — Но этого мало. Для него. Для меня. Для того, что будет.

Он взял её за руку. Не сильно. Не слабо. Просто. Как будто это самое естественное, что он делал за двенадцать лет. Она не убрала руку. Она не могла. Она не хотела. Она просто сидела. И слушала. Не его. Себя. Свой голос. Внутри. Тот, который знал.

Ты уже слышишь меня. Значит, я уже здесь. Значит, я уже начал. Значит, ты — следующая. Не бойся. Я не сделаю больно. Я просто послушаю. А потом... сохраню.

И тогда она поняла. Это не конец. Это не начало. Это — середина. Середина симфонии. Середина тишины. Середина между ударами. И в этой середине — он. И в этой середине — она. И в этой середине — всё. И ничего. И то, что будет. И то, что есть. И то, что было. Всё. Сразу. Навсегда.

Эпизод 8. Отражение

Вера сидела в машине напротив дома доктора Вейла. Она

не знала, зачем приехала. Не знала, что скажет. Не знала, что хочет услышать. Она просто сидела. Смотрела на дом. На окна. На свет. Который горел. Который всегда горел. Как будто он никогда не спал. Как будто он ждал. Как будто он знал.

Джек был рядом. Он всегда был рядом. Он не спрашивал. Не говорил. Просто сидел. Ждал. Как всегда. Как все.

— Ты уверена? — спросил он наконец.

— Нет, — сказала Вера. — Но это неважно.

— Это всегда неважно, — сказал он. — Ты всегда так говоришь. С тех пор, как я тебя знаю. Восемь лет. Восемь лет ты говоришь «неважно». А я всё равно спрашиваю.

— Знаю, — сказала Вера. — И я всё равно отвечаю. Так мы и живём.

Она вышла из машины. Пошла к двери. Позвонила. Долго ждала. Ветер бил в лицо. Солёный. Холодный. Как слёзы. Как море. Как что-то, что было живым и стало воспоминанием. Потом дверь открылась. Сама. Без скрипа. Без звука. Как будто ждала. Как будто знала. Как будто всегда знала.

Он стоял в проёме. Высокий. Худой. Седые волосы. Тёмные глаза. Ни улыбки. Ни приветствия. Просто стоял. Смотрел. Ждал. Как будто она была не первой. Как будто она была не последней. Как будто она была просто ещё одной. Ещё одним человеком. Ещё одной смертью. Ещё одной тишиной.

— Доктор Вейл, — сказала Вера.

— Знаю, — сказал он. — Входите.

Она вошла. В доме пахло книгами и чем-то ещё. Чем-то, что она не могла назвать. Чем-то, что было похоже на... тишину. Но не пустую. А полную. Как будто тишина была чем-то живым. Чем-то, что дышало. Чем-то, что смотрело. Чем-то, что ждало.

Он провёл её в кабинет. Стены в книгах. Полки до потолка. Кресла. Стол. Ни компьютера. Ни телефона. Только книги. Только бумага. Только перо. Только чернила. Как в прошлом веке. Как в другом мире. Как в другом времени. Как в другом измерении.

— Вы знаете, зачем я здесь, — сказала Вера. Не спросила. Сказала. Потому что знала. Он всегда знал. Все всегда знали. Это было его проклятие. Это было его дар. Это было всё, что у него было.

— Знаю, — сказал он. Сел в кресло. Указал на другое. Она села. Он смотрел на неё. Долго. Как будто читал. Как будто изучал. Как будто... слушал. — Вы слышали его. Не убийцу. Себя. Вы слышали себя. И вы испугались. Не его. Себя. Того, что вы можете. Того, что вы уже можете. Того, что вы... понимаете его. Того, что вы... слышите его. Того, что вы... как он.

— Да, — сказала Вера. — Я слышу его. Каждую ночь. Каждое утро. Каждую минуту. Я слышу его. Не голос. Не слова. Что-то другое. Что-то, что глубже. Что-то, что было до слов. До голоса. До всего. Я слышу его. И я не могу остановиться. И я не хочу.

— Знаю, — сказал он. — Это не болезнь. Это не проклятие. Это не дар. Это... призвание. Вы — та, кто слышит. Та, кто понимает. Та, кто... сохраняет. Как он. Только он убивает. А вы... вы смотрите. И не можете остановиться. И не хотите.

— Вы говорили это раньше, — сказала Вера. — В прошлый раз. Слово в слово.

— Знаю, — сказал он. — Потому что это правда. Правда не меняется. Правда — это единственное, что не меня-

ется. Всё остальное — ложь. Всё остальное — тишина. Всё остальное — смерть.

Он встал. Подошёл к столу. Взял лист бумаги. Перо. Начал писать. Что-то. Не для неё. Для себя. Как будто её здесь не было. Как будто её никогда не было. Как будто она была просто тенью. Просто звуком. Просто тишиной.

— Что вы пишете? — спросила она. Хотя знала. Она всегда знала. Она всегда спрашивала. Она всегда хотела услышать. Подтверждение. Правду. Что-то, что она уже знала. Что-то, что она боялась знать.

— Слушаю, — сказал он. — Ваш убийца. Он не просто записывает. Он создаёт. Он — композитор. Но не музыки. Тишины. Тишины между ударами. Он ищет идеальный звук. Идеальный вздох. Идеальную смерть. Он — художник. А искусство требует жертв.

Он поднял голову. Посмотрел на неё. Долго. Как будто в первый раз. Как будто в последний. Как будто никогда. Как будто всегда.

— Вы найдёте его, — сказал он. — Потому что вы — единственная, кто слышит то же, что и он. Вы — его отражение. Его эхо. Его... продолжение. И когда вы найдёте его... он

найдёт вас. И тогда... будет либо конец. Либо начало. Либо... что-то другое. Что-то, чего ещё не было. Что-то, что будет.

Вера встала. Она не хотела больше слушать. Она не хотела больше знать. Она хотела уйти. Но что-то держало. Что-то, что было сильнее её. Что-то, что было внутри. Что-то, что говорило: «Останься. Узнай. Пойми. Прими».

— Я пойду, — сказала она.

— Идите, — сказал он. — Но вы вернётесь. Все возвращаются. Все, кто слышит. Все, кто знает. Все, кто... как вы.

Она вышла. Не обернулась. Села в машину. Джек посмотрел на неё. Ничего не сказал. Завёл мотор. Они поехали. Дождь. Дорога. Тишина. Вера смотрела в окно. Но не видела. Она слышала. Не дождь. Не машину. Не город. Себя. Свой голос. Внутри. Тот, который знал.

Он знает. Он всегда знал. Он ждал. Он всегда ждал. Тебя. Только тебя. Потому что ты — единственная. Единственная, кто может. Единственная, кто слышит. Единственная, кто... понимает.

Вера закрыла глаза. И впервые за долгое время... улыбнулась. Не потому, что было смешно. Потому что было страшно.

но. И это было честно. И это было... начало.

Эпизод 9. Кровь и тишина

Ночью он пришёл. Не в дом. Не в офис. Не в машину. В сон. Но не сон. Что-то другое. Что-то, что было глубже. Что-то, что было реальнее. Что-то, что было... правдой.

Вера стояла в театре. Том самом. Пустом. Тёмном. Тишина. Только свет. Красный. Тусклый. Как в лаборатории. Как в её голове. Как всегда. Она стояла на сцене. В центре. Как Мария. Как все они. Как следующая. Она знала, что будет. Она всегда знала. Она всегда знала всё. Это было её проклятие. Это было её дар.

Он вышел из кулис. Мужчина. Высокий. Худой. В тёмном пальто. С магнитофоном. Он смотрел на неё. Долго. Как будто в первый раз. Как будто в последний. Как будто никогда. Как будто всегда.

— Ты пришла, — сказал он. Голос ровный. Тихий. Как у доктора Вейла. Но не его. Как у него. Как у того, кто записывает. Как у того, кто слушает. Как у того, кто создаёт.

— Я всегда прихожу, — сказала Вера. — Это моя работа. Это моя жизнь. Это... всё, что у меня есть.

— Знаю, — сказал он. — Поэтому я здесь. Поэтому ты здесь. Поэтому мы здесь. Вместе. Наконец-то. После стольких лет. После стольких смертей. После стольких тишин.

— Чего ты хочешь? — спросила она. Хотя знала. Она всегда знала. Она всегда спрашивала. Она всегда хотела услышать. Подтверждение. Правду. Что-то, что она уже знала. Что-то, что она боялась знать.

— Тебя, — сказал он. — Только тебя. Всегда тебя. Потому что ты — единственная. Единственная, кто слышит. Единственная, кто понимает. Единственная, кто... как я. Ты — моё отражение. Моё эхо. Моё... продолжение. Ты — та, кто сохранит. Та, кто закончит. Та, кто... станет мной. Или не станет. Или... станет чем-то другим. Чем-то, чего ещё не было. Чем-то, что будет.

Он подошёл. Ближе. Чем кто-либо. Ближе, чем Джек. Ближе, чем доктор. Ближе, чем кто угодно. Он стоял перед ней. Смотрел на неё. Долго. Как будто в первый раз. Как будто в последний.

— Ты боишься, — сказал он.

— Да, — сказала Вера.

— Чего?

— Себя.

— Правильно, — сказал он. — Потому что ты — самое страшное, что есть. Не я. Не смерть. Не тишина. Ты. Потому что ты — можешь. Ты — можешь всё. Ты — можешь остановить. Ты — можешь спасти. Ты — можешь убить. Ты — можешь сохранить. Ты — можешь всё. И ты это знаешь. И ты боишься. И ты не хочешь. И ты хочешь. Одновременно. Всегда. Везде. Как я. Как ты. Как все.

Он поднял руку. Протянул к ней. Не для того, чтобы коснуться. Для того, чтобы показать. Что он — не враг. Что он — не убийца. Что он — не смерть. Что он — просто тот, кто ждал. Тот, кто искал. Тот, кто нашёл. Тот, кто... любит. Её. Только её. Всегда её.

— Я не сделаю больно, — сказал он. — Я просто слушаю. А потом... сохраню.

Вера смотрела на его руку. Долго. Как будто в первый раз. Как будто в последний. Потом посмотрела на него. В глаза. Тёмные. Глубокие. Как у доктора Вейла. Но не его. Как у него. Как у того, кто записывает. Как у того, кто слушает.

Как у того, кто создаёт.

— Нет, — сказала она.

Он замер. Не ожидал. Не знал. Не понимал.

— Что?

— Нет, — сказала Вера. — Я не стану. Я не буду. Я не... сохраню. Я — не ты. Я — не смерть. Я — не тишина. Я — Вера. Я — вера. Я — то, во что верят. Я — то, что остаётся. Я — то, что живёт. Я — не ты. Никогда тобой. Ни за что. Ни при каких обстоятельствах. Даже если будет больно. Даже если будет страшно. Даже если будет... всё. Я не стану. Я — Вера Кросс. Я — профайлер. Я — человек. Я — та, кто слышит. Но не та, кто слушает. Разница есть. И я держусь за неё. Как за стену. Как за камень. Как за что-то, что не двигается. Хотя всё вокруг двигается. Всё вокруг живёт. Всё вокруг умирает. И только я стою. На месте. И жду. И слушаю. И надеюсь. Что однажды. Когда-нибудь. Всё это кончится. Или начнётся. Или... станет чем-то другим. Чем-то, чего ещё не было. Чем-то, что будет.

Он смотрел на неё. Долго. Как будто в первый раз. Как будто в последний. Потом улыбнулся. Не своей улыбкой. Её. Просто её. Просто Вера. Просто человек.

— Хорошо, — сказал он. — Тогда я подожду. Я всегда жду. Я умею ждать. Я — тишина. Я — между ударами. Я — то, что было до. И то, что будет после. Я — не конец. Я — не начало. Я — середина. И я буду ждать. Всегда. Везде. В каждом звуке. В каждой тишине. В каждом ударе сердца. Я буду ждать. Тебя. Только тебя. Всегда тебя. Потому что ты — единственная. Единственная, кто слышит. Единственная, кто понимает. Единственная, кто... как я. Но не я. Пока не я. Но однажды... может быть. Однажды... когда-нибудь. Однажды... всегда.

Он исчез. Не ушёл. Не улетел. Просто исчез. Как будто его никогда не было. Но он был. Он есть. Он будет. Всегда.

Вера открыла глаза. Она была в своей комнате. В своей постели. Джек спал на диване. Он не ушёл. Он никогда не уходил. Она села. Посмотрела на руки. Они дрожали. Но не от страха. От чего-то другого. От того, что было внутри. От того, что она поняла. Что она — не он. Что она — никогда не будет им. Что она — Вера. Что она — вера. Что она — то, что остаётся. Что она — то, что живёт.

Она встала. Подошла к окну. Посмотрела на город. На огни. На жизнь, которая продолжалась. Несмотря ни на что. Несмотря на смерть. Несмотря на музыку. Несмотря на ти-

шину. И тогда она улыбнулась. Не своей улыбкой. Его. Просто его. Просто человека. Просто Веры.

— Я найду тебя, — сказала она. — Я всегда нахожу. Это моя работа. Это моя жизнь. Это... всё, что у меня есть. И я найду тебя. И я остановлю тебя. И я... спасу тебя. Потому что ты — не смерть. Ты — не тишина. Ты — не зло. Ты — тот, кто ждал. Тот, кто искал. Тот, кто нашёл. Тот, кто... любит. Меня. Только меня. Всегда меня. И я... найду тебя. И я... спасу тебя. И я... стану тобой. Или не стану. Или... стану чем-то другим. Чем-то, чего ещё не было. Чем-то, что будет.

Она отвернулась от окна. Пошла на кухню. Налила воды. Выпила. Посмотрела на Джека. Он спал. Он всегда спал. Он умел спать. Он умел всё, что она не умела. Она села рядом. Посмотрела на него. Долго. Как будто в первый раз. Как будто в последний. Потом закрыла глаза. И уснула. Впервые за долгое время. Крепко. Без снов. Без тишины. Без него. Просто сон. Просто покой. Просто... жизнь.

Эпизод 10. Найти и потерять

Прошло три недели. Тишина. Никаких тел. Никаких файлов. Никаких писем. Только тишина. Слишком тишина. Слишком спокойно. Слишком хорошо. Вера знала, что это значит. Она всегда знала. Она всегда знала всё. Это было её проклятие. Это было её дар.

Он готовился. Не к убийству. К чему-то другому. К чему-то большему. К чему-то, что должно было случиться. К чему-то, что должно было быть. К чему-то, что будет.

Джек приходил каждый день. Приносил кофе. Оставлял на столе. Уходил. Не говорил. Не спрашивал. Он знал. Он всегда знал. Он знал, что она не ест. Он знал, что она не спит. Он знал, что она не живёт. Он знал, что она — где-то там. Внутри. В тишине. В музыке. В нём.

На двадцать второй день он не ушёл. Он сел напротив. Поставил кофе. Посмотрел на неё. Долго. Как будто в первый раз. Как будто в последний.

— Ты должна остановиться, — сказал он.

— Не могу, — сказала Вера.

— Ты должна.

— Не хочу.

— Вера...

— Что?

— Ты умираешь.

Она посмотрела на него. Долго. Как будто в первый раз. Как будто в последний. Потом улыбнулась. Не своей улыбкой. Его. Просто его. Просто человека. Просто Джека.

— Знаю, — сказала она. — Но это неважно.

— Это всегда неважно, — сказал он. — Ты всегда так говоришь. С тех пор, как я тебя знаю. Восемь лет. Восемь лет ты говоришь «неважно». А я всё равно спрашиваю.

— Знаю, — сказала Вера. — И я всё равно отвечаю. Так мы и живём.

Он взял её за руку. Не сильно. Не слабо. Просто. Как будто это самое естественное, что он делал за двенадцать лет. Она не убрала руку. Она не могла. Она не хотела. Она просто сидела. И слушала. Не его. Себя. Свой голос. Внутри. Тот, который знал.

Ты уже слышишь меня. Значит, я уже здесь. Значит, я уже начал. Значит, ты — следующая. Не бойся. Я не сделаю больно. Я просто послушаю. А потом... сохраню.

— Джек, — сказала она. — Я знаю, где он.

— Где?

— Здесь, — сказала она. — Он всегда был здесь. Он слышит нас. Он видит нас. Он ждёт. Он... рядом. Всегда. Везде. В каждом звуке. В каждой тишине. В каждом ударе сердца. Он — это мы. Мы — это он. И это... конец. Или начало. Или... что-то другое. Что-то, чего ещё не было. Что-то, что будет.

Джек смотрел на неё. Долго. Потом сказал:

— Ты его найдёшь.

— Знаю, — сказала она. — Но он найдёт меня раньше.

Она встала. Пошла к выходу. Джек за ней. Они сели в машину. Поехали. Дождь. Дорога. Тишина. Вера смотрела в окно. Но не видела. Она слышала. Не дождь. Не машину. Не город. Себя. Свой голос. Внутри. Тот, который знал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.